

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ ХОЧЕТСЯ
ПОПРОБОВАТЬ НА ВКУС

СИМФОНИЯ ХРУСТА

— ЕКАТЕРИНА БОРДОН —

16+

Екатерина Бордон

Симфония хруста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42564227

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0253-8

Аннотация

Бенджамин был далеко не первым ребенком в семье: два брата и сестра его опередили. Но ни одного из них отец – потомственный пекарь – не выбрал своим преемником. Он, как человек истово верующий и при этом чудовищно суеверный, ждал особого знака. И знак появился... Им стала крошечная родинка в форме кунжутного зернышка, которая красовалась прямо на полупопии его новорожденного сына! Итак, судьбой Бенджамину предназначено было стать пекарем. Еще бы, ведь именно его пра-прадедущка придумал французский багет. Вот только оказалось, что Господь (или какой-то другой шутник) наделил его совершенно другим даром... И оставил все ответы в Париже. Oh la la!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Гениальное предисловие

Итак, будем знакомы. Меня зовут Бенджамин Лавелло, но вы ведь и так это знаете, верно? Гений, гордость нации, французский Моцарт, невероятное дарование, уникальный талант, легенда... Все это про меня. И все это – ничуть не преувеличение.

Хех.

Прежде чем вы начнете читать сие произведение, пропитанное моими потом, кровью, вдохновением и гениальностью, я все же должен вас предупредить: оно не такое, как другие. Жалкие издательшечки пытались заставить меня все в нем поменять и переписать начисто, ибо, по их узколобому мнению, роман, в котором нет кровавых убийств, сногсшибательных красавиц и стройного сюжета не купит никто. Ха! И еще раз ХА. Ведь раз вы держите эту книгу в руках, значит, я не зря показал им всем голую задницу. «Какого черта?!» – сказал я. – «Это книга моя и только мне решать, какой она будет!»

В общем, я издал эту книжку за свой счет и ничуть не жалею. Здесь в каждой букве, в каждой строчке – я. Это мои воспоминания, а воспоминания не могут идти строем, как солдаты. Они – нечто больше, черт возьми. Нечто большее.

Что ж, наслаждайтесь. И, если вдруг у вас возникнет неконтролируемое желание выразить мне свою благодарность, не пишите писем. Я не буду их читать, потому что,

откровенно говоря, ваше мнение меня тоже не слишком-то волнует.

P.S. Моя жена Шанталь и наши малыши Бах, Моцарт, Бизе, Глюк и Шопен просили передать вам привет. Передаю.

Часть 1

Пожалуй, если бы эта история была посвящена моим родителям, я начал бы ее с того момента, когда они родились. Потом бы я написал о том, как они учились в школе, как встретились, поженились и бла-бла-бла... Но, к счастью, эта история совсем не о моих родителях – она обо мне! Так что, с вашего позволения, я начну ее с того момента, когда, собственно, начался я сам.

Это произошло в маленькой кладовке, где мой отец, маэстро булочек и импресарио батонов (а проще говоря, пекарь) хранил муку, сахар, бочки с медом, патоку, кленовый сироп, а также склянки со специями, орехи, соду, соль, уксус, сушеные фрукты и пару бутылочек апельсинового ликера. Собственно, именно их и пыталась найти моя мама. Она заглянула в ящик с сухофруктами, прощупала мешок соли, исследовала практически каждый уголок, однако обнаружить надежно спрятанные емкости с янтарной жидкостью ей так и не удалось. А все потому, что мой сообразительный отец коварно отвлек ее единственным способом, который то-

гда пришел ему на ум...

Догадываетесь, о чем я?

Что ж, тогда не будем вдаваться в подробности, кхем, процесса, пропустим следовавшие за ним неинтересные девять месяцев и, наконец, заглянем во 2 июля – день, когда на свет появился я.

P.S. К слову, ликер и теперь припрятан в большой плетеной корзине, да-да, там где мы храним грецкие орехи и мешочек с корицей. Но только тс-с-с, женщинам не слова...

* * *

Я был далеко не первым ребенком в семье: два брата и сестра меня опередили, однако ни одного из них отец не сделал своим любимчиком. Он, как человек истово верующий и при этом чудовищно суеверный, ждал особого знака!

И знак появился...

Боже, как бы мне хотелось, чтобы этим знаком, были небесные гром и молнии! Или пусть бы с неба спустилась парочка архангелов, которые бы громко меня благословили и улетели на небо, напевая псалмы. Увы, все оказалось гораздо проще. Знаком стала родинка. Крошечная клякса, форма которой напомнила отцу форму кунжутного семечка. Все бы ничего, вот только... О, Боже, дай мне сил... Об этом не так просто рассказать, так что, с вашего позволения, я начну издалека.

Каждый, кто был ребенком, наделенным хоть каким-то, пусть даже самым смешным и нелепым талантом, знает, что бывает, когда в дом приходят гости. Еще до того, как закипит пузатый чайник, а вслух будет высказана первая сплетня, счастливые родители тащат на «смотрины» кучу хлама, которую сотворило их небывало одаренное чадо. Годится все: заплесневелые фигурки из соленого теста, акварельные каракули, пластилиновые зайцы, тюльпаны из цветной бумаги, сдобренные щедрой порцией клея, и даже коллекция желудей. Есть и второй вариант: тебя отрывают от важных дел (например, от ковыряния в носу), запихивают в новый свитер и ставят на стул. Потом две минуты позора, четыре рифмованные строчки, жидкие аплодисменты, конфета, и ты свободен.

Со мной все было... чуть-чуть по-другому. А все потому, что злополучная родинка выскочила прямо на левой половинке моей, пардон, *fesse*¹!

Ну как? Уже догадываетесь, к чему я клоню? Нет? Что ж, хорошо... Каждый раз, когда к нам в гости приходили тети Мюриет и Жаклин, дядя Густав, мадам Бриньяр и еще черт знает кто, отец заставлял меня снимать штаны и демонстрировать родинку собравшемуся обществу. Вежливые гости, уже чужавшие запах свежих булочек с корицей, покорно наклонялись к моему задку и в течение двух-трех минут весь-

¹ фр. попа

ма необудительно восхищались: «Oui², Серж, oui, у твоего сына определенно большое будущее».

Ну что, отсмеялись? Садисты... Зато теперь, я думаю, вы уже не осудите меня за то, что к пяти годам я завел себе привычку сбегать из дома каждый раз, когда поблизости раздавался топот незнакомых ног или гудок автомобиля. В общем, по той же, наверное, причине, гостеприимного хозяина из меня не получилось...

Что? Вы не отказались бы от чашечки кофе? Хм, я тоже. Хотите приготовить нам обоим? Правда вам придется сбегать за ним в магазин, возьмите деньги на туалетном столике.

P.S. Видите? Я предупреждал.

* * *

Всю свою жизнь мой старик был уверен, что имя непременно должно что-то значить, иначе вырастет не человек, а пустое место – «дырка от бублика, хе-хе-хе». Так что в тот самый миг, когда врач, поднимая меня над головой, воскликнул «Это мальчик!», он начал придумывать мне достойное имя. А уж когда оказалось, что мой зад «осенен божьим знаком»... Идея дать мне «то самое» имя стала для него навязчивой идеей. В течение шести дней, последовавших за моим рождением, он мало ел, почти не спал, не брился, не прикладывался к апельсиновому ликеру и даже не разгова-

² фр. да

ривал, как обычно, со свежеиспеченными булочками. Однако на седьмой день его, к несчастью, осенило – он решил назвать меня самым французским словом из всех, которые знал (не взирая даже на то, что оно вообще-то женского рода), – Baguette³.

Пожалуй, вам может показаться странным, что четвертого ребенка в семье вдруг решили назвать в честь батона. Однако это только до тех пор, пока я не представлю вам своих братьев и сестру. Знакомьтесь, друзья: Brioche⁴, Pâté⁵ и Muscade⁶.

Несложно, я думаю, догадаться, что все они были названы так вкусно только для того, чтобы оправдать надежды нашего отца и продолжить династию пекарей. Боже, я до сих пор помню, как каждую пятницу, после ужина, отец заставлял нас собираться в гостиной и вдохновенно рассказывал историю, которую я и сейчас могу повторить слово в слово. Наш пра-прадедушка приехал в Париж из Прованса и занялся было торговлей петрушкой, но быстро понял, что много на ней не заработаешь. Тогда-то ему в голову и пришла идея печь хлеб. Он вставал в три часа утра и пек, пек, пек – до тех пор, пока руки у него не начинали болеть. Потом он распахивал окна своей крохотной пекарни и приманивал по-

³ фр. багет

⁴ фр. крендель (м)

⁵ фр. пирог (м)

⁶ фр. мускат (м)

купателей ароматами свежее испеченных булочек и хлебов... Дело росло, у моего пра-пра появились помощники, за адский труд которых он платил скудное жалование, а чуть позже еще и помощница, которой, к счастью, не приходилось даже платить, ибо она поклялась перед алтарем помогать мужу бесплатно. Нет, конечно, клятва звучала иначе (В болезни и здравии, в горе и радости...), но поверьте мне, суть ее была именно в этом.

В 20-х годах хлебный бизнес пережил тяжелое потрясение из-за закона, который запрещал булочникам начинать работу до четырех часов утра. Французы в то время предпочитали покупать к завтраку круглый хлеб, однако на его выпечку уходило слишком много времени. Вот тогда-то мой гениальный пра-пра и придумал будущий символ Франции весом в 234 грамма и длиной в 65 сантиметров – багет!

Признаться, я всегда сомневался и сомневаюсь до сих, что в нашем роду могли быть такие гениальные личности, но отец верил в это свято. Для него эта история была чем-то вроде библейской легенды, сомневаться в которой – худший из грехов! В пору переходного возраста Бриош пытался воспротивиться пятничной попытке семейной историей, но каждый раз, когда в его глазах появлялся опасный бунтарский огонек, мама слегка сжимала его плечо ладонью, и он молчал. Господь свидетель, мама всегда была миротворцем и добрым ангелом.

Что бы мы делали без тебя, мам?

* * *

Так или иначе, судьбой мне уготовано было стать Багетом. Однако наш приходской священник (благослови его, Господь) настоял на том, чтобы меня называли именно Бенджамином. Ибо таковой, по его словам, была «воля Божья».

Не знаю, участвовал ли в этой комедии Бог, но мне почему-то кажется, что священник (которого, кстати, тоже знали Бенджамином) лукавил. Думаю, он просто чувствовал, что ему недолго осталось топтаться на этой земле и хотел оставить после себя нечто большее, чем два мешка свечных огарков и три тетрадки сомнительных мемуаров, которые, само собой, никто не напечатает.

Отец был в ярости. Нет, он не бил посуду и не брызгал в разные стороны слюной, но... все-таки это была ярость: пожатые губы, красное лицо, сведенные на переносице пушистые брови и тихое недовольное «бу-бу-бу». Да, черт возьми, мой отец был не из тех, кто умеет по-настоящему, от души сердиться! Если честно, я даже не помню случая, чтобы он кричал на меня или моих братьев и сестру, а уж тем более бил нас. Когда мы шалили особенно сильно, он, бывало, вытаскивал из своих необъятных штанов ремень и тряс им в воздухе. Ха-ха, видели бы вы, как он пытался придать своему круглому лицу угрожающее выражение и одновременно подхватывал падающие на пол брюки. Но у нас была своя стра-

тегия. Мы облепляли его со всех сторон и начинали громко кричать «Папочка, мы так тебя любим» или «Папочка, ты самый лучший». А после этого – все, он был наш! Мы не только избегали порки, но и могли запросто гнуть его кренделем и раскатывать, как тесто.

Он просто слишком сильно нас любил.

P.S. Надеюсь, вы уже плачете или, по крайней мере, готовы это сделать, потому что, если честно, мне было бы неловко реветь одному.

* * *

Здесь надо кое-что пояснить, дабы вы избавились от всех заблуждений, которые успели наплодиться у вас в голове и, наверняка, плодятся до сих пор. Родинка – это просто родинка – скажите вы. И будете правы. Но только не в случае с моим отцом. Он был из тех людей, которые в начале своей жизни выбирают дорогу и идут по ней, даже не задумываясь о том, что где-то есть неисследованные земли или неизведанные приключения. И все-таки порой, ночами, такие люди вдруг просыпаются, словно от укола иглой или совести. Они лежат в темноте, слушая сонное похрапывание супруга, и думают: «Не ошибся ли я?». И теряют покой, и худеют, и оглядываются вокруг в надежде, что кто-то скажет нечто вроде: «Ты был прав, ты все сделал, как надо» и успокаивающе похлопает их по плечу.

Увы, такого человека у моего отца не было. И потому он без конца во всем искал знаки, подтверждающие, что он выбрал верный путь. В соответствии с этими знаками он выбирал место для пекарни, жену, политическую партию и даже, представьте себе, религию! Мой дед, насколько я помню, был атеистом, ибо считал, что в деле пекаря есть что-то языческое, почти бесовское. Всполохи огня в печи, острые запахи специй, туманная дымка муки в воздухе, дурманивший аромат свежеиспеченного хлеба... Да и вообще сам процесс готовки, по его мнению, был схож с подготовкой языческого ритуала жертвоприношения.

А вот мой отец был уверен, что все уважающие себя пекари должны быть христианами. Ибо сказал Иисус: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда».

Ходить в церковь, молиться перед едой, не убивать и не желать жен своих ближних мой отец мог запросто. Однако один грешок за ним все-таки водился – чревоугодие. Да... Что-что, а поесть отец любил. Точнее, не «поесть», а «продегустировать», как он любил повторять, засовывая палец в кастрюльку с подливкой или утаскивая кусочек жаркого с праздничного круглого блюда.

– Пекарь должен быть толстым! – нежно поглаживая круглый живот заявлял он, когда мама робко заикалась о том, что у него большое сердце, и он должен беречь себя. – Если пекарь худой, никто не будет покупать у него хлеб! Это же

противоестественно – худой пекарь!

А еще он считал, что женщины не должны занимать руководящих постов, черные кошки – безнаказанно переходить дорогу честным горожанам, а дети – плохо себя вести.

Толстяк и добряк – вот кто был мой отец! Он никогда не отказывал в помощи, подкармливал бродячих собак, обожал свою семью и трепетно, словно к новорожденному и долгожданному ребенку, относился к своему делу. Он часто вспыхивал по пустякам, словно солома, но также быстро остывал, снова превращаясь в добродушного пекаря, по локоть измазанного мукой и словно сошедшего со страниц детской книжки. Пользуясь «хлебными» метафорами, я бы сказал, что мой отец всегда напоминал мне скорее хлебный мякиш, нежели корочку.

Не знаю, насколько часто его простую душу мучили мысли о прошлом и будущем, но, думаю, частенько, раз уж он был так счастлив, обнаружив на моем младенческом зад «кунжутную» родинку. Могу поспорить, и на вашем теле наверняка найдется какое-нибудь пятнышко странноватой формы, которому вы никогда не придавали особого значения. Но для моего отца эта родинка была неоспоримым доказательством правоты, ответом на все невысказанные и утаиваемые даже от самого себя вопросы и, одновременно, маяком. Теперь он понял, в чем смысл его жизни и к чему он должен стремиться – к тому, чтобы передать мне все свои знания и, в будущем, свое горячо любимое дело.

* * *

*Из путеводителя по Провансу Огюста Растиньяка,
изд-во «Le voyage»,
год 1958*

Признаюсь вам, друзья, я долго не брался за путеводитель по Провансу (хотя мои редакторы и издатели настаивали) по одной единственной недостойной причине. Я боялся! Боялся, что не смогу ни словечка нового сказать о его чудесных улочках и закоулках, ибо ни об одном районе нашей милой Франции не сказано так много, как о Провансе. Скорее всего, трусость моя взяла бы верх надо мной (ибо я по природе своей человек нерешительный), если бы я не наткнулся в Пон де Шерв на восхитительную boulangerie⁷, о которой не упоминают ни Розье, ни Сезан, ни даже Дьёдонне в своих знаменитых «Путешествиях по французским закоулкам». Я был так возмущен подобной халатностью этих достопочтимых джентльменов, что немедленно взялся за перо!

Возможно, «пекарня» – слишком громкое названия для широко распахнутого кухонного окна, с подоконника которого очаровательная мадам Лавелло продает всем желающим хлеб, булочки с корицей, круассаны и медовые крен-

⁷ Фр. пекарня

дельки. Ни вывески, ни столь популярных ныне столиков у входа. Но зато какой аромат... И какой хлеб! *Délicieux*⁸! *Magnifique*⁹! *Merveilleux*¹⁰! Клянусь вам, я съел целый багет в одиночку (изумительно хрустящая корочка) по пути к поезду, а потом вернулся и купил еще один, присовокупив к нему 5 круассанов и коробочку крендельков, которыми с таким удовольствием похрустела вечером моя Жо-Жо.

Запоминайте, друзья пекарня месье Лавелло – вот то место, с которого началось мое путешествие по Провансу. И именно его я рекомендую в качестве отправной точки всем вам.

* * *

Сколько себя помню, в детстве я почти всегда играл один. И представьте себе, мне со мной никогда не бывало скучно. Вообще, когда живешь среди Кренделя, Пирога и Муската, поневоле чувствуешь себя счастливым изгоем, даже если зовут тебя пусть и непривычным для Франции, но все-таки вполне человеческим именем – Бенджамин.

Со стороны я, наверное, казался скучным и через чур тихим ребенком. Но мне это нравилось! А уж когда в городе не осталось ни одного человека, который бы не оценил «божий

⁸ Фр. восхитительно

⁹ Фр. великолепно

¹⁰ Фр. изумительно

дар» на моей заднице... Счастью моему не было предела, от меня отстали! Я мог часами лежать над огромным атласом или бродить в лесу. Сражаться, спасти мир, бороздить моря, открывать новые планеты, прыгать у костра с туземцами... Весь мир был в моей голове, а посему не удивительно, что я практически не замечал того, что происходило вокруг.

Кстати, вы когда-нибудь слышали о Битве у Сумрачных гор? Нет? Надо же, а я потерял там руку... Может, вы хотя бы плавали на пиратской шхуне «Красотка», когда она внезапно наткнулась на десять, нет пятнадцать подводных лодок, вооруженных пушками с непромокаемым порохом? Эх, славная была битва. Правда, мне пришлось ампутировать ногу. Осколок гранаты, сами понимаете, ее уже было не спасти. Нет, не сочувствуйте, у меня потом выросла новая. Да, это возможно, нужно только добыть в джунглях Амазонки сок чау-чау. Нет, это не собака, это ядовитый дуб! Да что я вам рассказываю? Вы все равно ничего не понимаете.

Бриош, Патэ и Мускат считали меня странным (пф, на себя бы посмотрели), но особо не мучили. Бриош пытался, но поверьте, друзья, это было не так-то просто. К примеру, подброшенные в кровать лягушки вызывали у меня бурю восторга, а не ужаса. Я тихонько нашептывал им новые миссии и выбрасывал в окно, на свободу (бедняги, надеюсь, их души покоятся с миром). А прозвища вроде Чудила или Дурачок я просто пропускал мимо ушей: всех великих не понимали при жизни.

По большому счету, я не сержусь на них, на моих братьев и сестру. Отец слишком ясно давал им понять, что я для него особенный, а дети такого не прощают. Мне было проще, чем им, завоевать его одобрение – для этого я просто мог спросить, маргарин какой жирности он предпочитает – а я даже не пытался его завоевать. Несмотря на оказываемое мне доверие, несмотря на даримые мне в неограниченных количествах любовь и благосклонность, я, как говорится, гулял сам по себе и ценил только свое мнение.

В общем, я был не такой как они, не такой как все вообще. Я не дрался с соседскими мальчишками, не таскал куски пирога со стола или конфеты из шкафа, не мучил жуков, не играл в куклы и машинки, не строил песочных замков. Мне все это было не нужно.

Потому что у меня была моя фантазия.

* * *

Из дневника Мускат Лавелло

14 июня, год 1965

Мой младший брат – придурок! Ненавижу его!

НЕНАВИЖУ

НЕНАВИЖУ

НЕНАВИЖУ

НЕНАВИЖУ

НЕНАВИЖУ

Скорее бы выйти замуж и сбежать из этого сумасшедшего дома! Не понимаю, почему папа с мамой так носятся с Бенджаминном!

НЕ – НА – ВИ – ЖУ!

* * *

Пожалуй, единственным, кто так и не смирился с тем, что я чужак, был мой отец. Он как будто видел во мне только то, что хотел видеть – воплощение своей простенькой мечты о приемнике, которому достанется пекарня и который продолжит дело, начатое еще нашим пра-пра. Я помню, как дважды, а то и трижды в неделю он будил меня в 4 часа утра (боже, в это время даже петухи еще сладко спят и видят во сне симпатичных курочек) и, крепко держа за руку, тащил на кухню. Я безнадежно зевал и хлопал глазами, силясь прогнать сон, мои ноги заплетались и спотыкались о каждую ступеньку лестницы, а полы ночной рубашки, доставшейся мне в наследство от Патэ, мели полы, кое-где присыпанные, как снегом, мукой и сахарной пудрой. Я знал, мы идем слушать симфонию хруста.

– Только послушай это, – говорил отец, подталкивая меня к столу со свежееиспеченными булочками и бережно подхватывая с противня одну из них. – Слушай, – снова повторял он, надламывая еще теплый хлеб над моим ухом. – Вот так

и только так должны звучать настоящие булочки с корицей. Это же симфония, симфония хруста!

Потом были имбирные пряники, которые с едва слышным «тук», разламывались у моего лица пополам и осыпали сладкими крошками мои губы и нос. Громко и непокорно хрустели маленькие коричневые крендельки с кунжутом. Огромные караваи с завитушками из теста «лопались по швам» шумно и как-то деловито. Пончики, пожалуй, звуков не издавали. Зато карамельная глазурь на них ломалась, как самый первый лед на лужах осенью – звонко и юно. Однако жемчужину коллекции – багет – отец всегда оставлял напоследок. Его мякоть была теплой и душистой, она таяла во рту, оставляя на языке легкий сладковатый привкус домашнего хлеба... Но «мякоть – это только мякоть, ничего более! Главное в багете – это корочка. Она должна хрустеть задорно и призывно, она должна соблазнять и обещать неземное удовольствие! Послушай, в этом хрусте вся Франция: морозное утро, парад на главной площади, любовь...»

Хр-р-русть!

«Это симфония, сынок, симфония хруста!»

Его слова, запахи кухни, переключка пекарей, хруст хлеба – все это сливалось в моей голове в единую мелодию, над которой всегда звучал голос моего отца, повторяющий снова и снова – «симфония хруста, это симфония хруста, сынок!»

Признаться, тогда я не понимал смысла этих экскурсий в мир хрустов и уютных, убаюкивающих запахов, но ни разу не

отказал отцу. Я не мог расстроить его. Что толку скрывать, я любил своего старика. Быть может, любил даже больше, чем сам думал.

Быть может, даже больше, чем думаю до сих пор.

* * *

Ну да хватит сентиментальных воспоминаний! Перейдем-ка лучше к кое-чему поинтересней...

По иронии судьбы мою первую любовь звали Бёр¹¹. Думаю, если бы отец все-таки настоял на том, чтобы меня назвали Багетом, наш роман продлился бы дольше. А так... согласитесь, Бенджамин с Маслом – это звучит, по меньшей мере, смешно!

Мы познакомились в школе, куда родители отправили меня в надежде, что учителя выбьют из моей головы всю ту чушь, которая мешала моим занятиям пекарским делом. Пф, какая наивность... Я с удовольствием учился читать и писать, но только потому, что все это развивало мой внутренний мир. И позволяло усложнять разыгрываемые в нем бои, в которых я, само собой, всегда оказывался победителем.

Но не будем об этом. Цифры-мифры, буквы-фуквы... Все это скука, которая не заслуживает вашего внимания. А вот Бёр его определенно заслуживала. Она была невысокой, чуть

¹¹ Фр. *beurre* – сливочное масло

полноватой и определенно развитой не по годам. В шестом классе на уроках физкультуры мы смотрели на то, как колышется при беге ее грудь, и думали каждый о своем. Луис мечтал потрогать ее. Анри нравилось, как она подпрыгивает. Жан хотел соврать, что они с Бёр уже целовались. А я размышлял о том, взорвутся ли они, если Бёр на них упадет.

Свою теорию «большого взрыва» я решил проверить на следующей же переменке, для чего и подставил радостно бегущей в буфет Бёр подножку. К моему разочарованию, взрыва не произошло. Я надеялся, что она хотя бы подлетит на них к потолку, если они пружинят, как матрас или батут. Но и тут мне не повезло. Кстати, не повезло и носу Бёр, который в результате соприкосновения с полом, несколько... испортился. Перелома, как позже подтвердила медсестра, не было, зато был громкий визг, рев, крохотная лужица крови и много-много истеричных всхлипов.

После такого я, как истинный джентльмен, само собой, должен был... нет, естественно, не жениться! Мне жаль, если вы не в курсе, но женятся обычно по другой причине. А мы всего лишь начали встречаться.

О, это был любовь.

* * *

Мы ждали медсестру, которая в этот момент покупала тайком от директора сигареты. Тихо тикали часы, блестели

градусники в стеклянном стаканчике. С фотографии на столе на нас смотрел, улыбаясь беззубым ртом, младенец. Из-под кушетки выглядывали тапочки с помпонами. По-прежнему ревела Бёр. Она зажимала нос кружевным платочком и периодически громко икала. Я посмотрел на нее, она взглянула на меня, наши руки на кушетке случайно соприкоснулись и тут...

БАХ!

Было бы здорово написать, что это любовь, большая и, само собой, чистая, свалилась нам на головы, но на самом деле это были часы. И упали они только на меня. Очевидно, гвоздик, на котором лет тридцать весел этот тикающий механизм, наконец, не выдержал нагрузки, и выскользнул из стены. Хотя, кто знает, возможно это и в самом деле было Божье провидение, которое, кажется, решило «помогать» мне всегда и во всем. В любом случае, запыхавшаяся медсестра нашла у себя в кабинете уже не одного, а двух самозабвенно ревуших детей. Позже, когда нос Бёр и мою голову украсили цветные от зеленки пластыри, моя мама, которую вызвал и успел игриво отчитать наш директор, решила в качестве извинения пригласить Бёр к нам домой на чай. Так началась история нашей пылкой и горячей любви!

Признаться, иногда мне казалось, что ее чувства ко мне имели весьма меркантильный характер. И, кажется, пахли они свежевыпеченными булочками... Бёр оживлялась и становилась разговорчивой только тогда, когда мы приходили

ко мне в гости, и мама звала нас пить чай. Мы баловались плюшками (точнее, это я баловался, а она занималась самым настоящим плюшечным геноцидом), ее глаза блестели, щеки краснели от удовольствия, а воротник школьной формы белел от сахарной пудры.

Такой я и запомнил ее навсегда.

Мы расстались через десять дней после начала нашего бурного романа (точнее, после начала ее романа с пекарней моего отца). Причины разрыва были самые прозаические – я отказался делиться с ней пончиком (я, черт побери, имел на него право, и не смейте меня осуждать)! Признаться, Бёр быстро утешилась с Луисом, отец которого был владельцем шоколадной фабрики.

P.S. Иногда я вспоминаю об этой своей первой любви и, признаться, жалею о том, что был не так умен, как Луис. Он-то первым делом потрогал ее грудь, а уж потом угостил шоколадкой.

* * *

Так или иначе, за время моей школьной жизни произошел миллион миллионов событий: мне купили велосипед (я обменял его у Жана на цветные стеклышки), кто-то утопил мой ранец в сточной канаве, я начал встречаться с худышкой Жюстин, ее унесло ветром (шутка), я научился печь караваи и круассаны, Мускат вышла замуж и через пять месяцев ро-

дила двойню, Патэ собрал свой первый мотоцикл (я обменял его у Сержа на калейдоскоп и коллекцию жуков), Патэ оторвал мне голову и родителям пришлось потратиться на новую, с мозгами (тоже шутка), Бриош начал помогать отцу на кухне и качать мускулы, чтобы производить впечатление на девчонок, я сломал левую ногу, я начал встречать с веснушчатой Катрин, меня случайно вырвало на нее, мы расстались, ее старший брат сломал мне правую ногу, Патэ открыл маленькую автомобильную мастерскую, девушка Бриоша забеременела, и они поженились, я построил домик на дереве, отец схватил ветрянку, я нашел в лесу заброшенный ручей... Что же еще... Ах да, в конце концов, я закончил школу! Это было непросто, учитывая закостеневшие умы мадам Прудонс и месье Абеяра, но два ящика медовых крендельков сделали свое дело.

В общем, по большому счету, все это мелочи! По-настоящему важными, мало того, судьбоносными я могу назвать только три события.

Первое из них произошло 21 сентября (мне в то время было 13). Я зашел в комнату Бриоша, чтобы позвать его к обеду и, открывая дверь, успел заметить, как он смущенно прячет что-то под матрас. Само собой, мое любопытство было разбужено. В голове прокручивались мысли одна интереснее другой: быть может, Бриош шпион? Может, у него под матрасом маленькая установка для слежения за незаконными эмигрантами с Марса? Может, он сам оттуда? Само

собой, чем больше я размышлял, тем более вероятным казалось мне именно третье предположение. Бриош, он, знаете, частенько запирался у себя в комнате, громко включал музыку и часами рассматривал в зеркало свои ненормально огромные мускулы. Разве это вам не кажется подозрительным? Нет? Ну, что ж, в таком случае, вы не тринадцатилетний подросток с чудовищно развитым воображением.

В общем, я с трудом дождался того момента, когда он и его подружка снова уединились в моем домике на дереве (кстати, они его сломали в итоге) и отправился на поиски улик. Друзья мои, правда оказалась куда скучнее и прекраснее. Бриош прятал под матрасом порно-журналы. Понятное дело, это был великий день! Именно тогда я впервые понял, зачем нужны...э-э-э... определенные части моего тела. Если можно, обойдемся без подробностей, я думаю, они вам тоже ни к чему...

Кхем...

P.S, Если вы решили, что я сейчас покраснел или смутился, вы само собой ошиблись. Кхем-кхем...

* * *

Второе Событие (именно так, с большой буквы) произошло в апреле, кажется, десятого или одиннадцатого. Я опять сбежал из дома, потому что к нам приехали дальние родственники из Парижа. Не знаю, как так получилось (мне ка-

залось, отец оповестил о кунжутном семечке на моей заднице всю планету), но они ее не видели. Так что мне пришлось скрываться бегством, едва без пятнадцати восемь зазвенел дверной колокольчик. Я выскочил на улицу через заднюю дверь прямо в пижаме, тапочках на босу ногу и с зубной щеткой во рту и застыл, рассматривая весьма тоскливую картину. На улице уныло моросил дождик, мелкий и противный, пахло землей и немножечко плесенью. Город был пустым и серым, идти к нему не хотелось ужасно, тем более, я еще помнил, каким теплым было одеяло и как вкусно пахли круассаны...

Я чихнул, поежился, посмотрел на то, как ручки подхватывают и разносят в разные стороны капли зубной пасты, падающие с моего подбородка, и приготовился возвращаться домой, но... Именно в этот момент на кухне загремели столовым сервизом, свистнул чайник и раздался радостный голос моего отца: «Как, вы еще не слышали о том, что мой сын осенен божьим знаком?»

Все, сработали рефлексy. Я пулей вылетел из-под навеса и, перепрыгивая через кусты и клумбы, понесся в сторону леса, петляя между соседскими заборами и стуча зубами от холода. Через пару минут морозящий дождик превратился в самый настоящий дождь, потом, минутой спустя, в дождеще, затем в ливень и, наконец, в самый настоящий водопад ледяной воды. Я промок до нитки и замерз, как сосулька. Ноги в тапках безнадежно скользили по коричневой жиже под нога-

ми – в общем, побег потерпел фиаско! Я заметил открытую калитку и, забежав в чей-то дворик, метнулся к крыльцу. К моему удивлению, дверь открылась еще до того, как я успел подумать о том, будет ли наглостью позвонить и попроситься на чай к незнакомцам. На пороге меня встретил бледный и почти прозрачный мальчик лет 11, который показался мне смутно знакомым. Он был укутан в толстое одеяло, на голове – вязаная шапочка, а на ногах – огромные шерстяные носки.

– Привет, – прошелестел он, пропуская меня в комнату и торопливо закрывая за мной дверь. – Чаю?

Я быстро кивнул и стуча зубами протянул ему руку:

– Бенджамин.

– Я знаю, – грустно улыбнулся мальчик. – Мы вообще-то учимся в одном классе, меня зовут Джереми.

Что ж, ситуация получилось неловкая... Но, думаю, многие в нашем классе весьма смутно помнили о том, как выглядит Джереми Пессон.

– Ты весь в микробах, так что иди сначала помойся. Ванная направо...

Я пожал плечами, засунул руку в карман пижамных штанов и, оставляя на полу мутноватые лужицы дождевой воды, прошлепал к ванной комнате.

Джереми разрешил мне надеть шелковый китайский халат его матери (со смущением вынужден признаться, что я в нем отлично выглядел) напоил меня чаем, угостил пригоршней разноцветных таблеток, которые я, от греха подальше,

СМЫЛ в унитаз, и стал моим лучшим другом.

* * *

Я не знаю, как это случилось.

Магия?

Химия?

Ведь мы всегда были мы – ходили в одну и ту же школу, на одних и те же уроки и даже не любили, кажется, одних и тех же учителей – но никогда друг друга не замечали. А потом вдруг р-р-раз, и вот я уже несусь к нему домой, торопливо мою руки и с разбегу запрыгиваю на его огромную кровать. Джереми испуганно шепчет: «Микробы!», натягивает одеяло до самых ушей и улыбается. Что-что, а улыбаться Джереми умел, как никто другой.

Мы говорили часами. А если бы не необходимость спать, есть и ходить в школу, болтали бы, наверное, и вовсе сутками. О чем? Ну, вы спросили! Само собой, обо всем на свете: о наших мечтах и взрослых, об инопланетянах и красках, о спорте и других городах, о шрамах и девчонках...

Джереми все время чем-то болел, а кашлять, кажется, и вовсе не переставал никогда. Из-за этого мы выбирались на улицу от силы раза три-четыре! Но один из таких исключительных дней запомнился мне особенно, ибо это был день, когда мы решили совершить подвиг. Черт, нам было по четырнадцать, и наши сердца требовали приключений! Мы бы-

ли гордыми рыцарями, Ланселотом и Гвинивером, которые жаждали спасти прекрасного дракона от коварной принцессы!

И снова увы. Ни я, ни Джереми так и не нашли ничего стоящего нашего героического внимания. Вконец отчаявшись, мы решили хотя бы пару бабушек перевести через дорогу, но именно в этот день и в этот час они как сквозь землю провалились! Двадцать минут мы простояли на самом оживленном перекрестке нашего городка, где из-за снующих туда-сюда старушек обычно ступить некуда, но ни одна из них почему-то не пожелала стать благодарным объектом нашего подвига. Несколько парочек, мамаша с коляской, пятеро рабочих, зеленщик и стайка младшекласников – вот и все, кто попался нам на глаза в этот день.

Я не сомневался в том, что это был какой-то заговор. В душе моей пылал праведный гнев, всполохи которого скрывали от меня погасшее бледное лицо моего друга. В пять часов с работы должна была придти его мама, а это означало, что к четырем нам нужно было вернуться домой и стереть с лица земли все следы несанкционированного побега. А все потому, что мама Джереми, как вы понимаете, свое добро на наши подвиги не давала.

Наручные часы на запястье моего друга показывали 15:39. Оставалось всего двадцать минут: слишком мало, чтобы куда-то отправиться, и слишком много, чтобы пренебречь ими и пойти домой пораньше, так что нам ничего не оставалось,

кроме как спуститься к местной речке-вонючке. Это была, в общем-то, и не река вовсе, а просто затхлое озерцо, куда раньше, пока не было канализации, сливались все помои. Унылое место: грязное, дурно пахнущее и отчего-то безумно привлекательное для малышни в возрасте от пяти до тринадцати. Но нам-то было уже по четырнадцать! Так что мне, признаться, было немного неуютно торчать там средь бела дня. Вдруг бы кто заметил, к примеру, Поль или Нана, которые вечно задирают нос. Конечно, мне плевать было на их мнение, и все-таки... все-таки я нервно оглядывался по сторонам и ерзал, как заведенный, сидя на берегу. Джереми же стоял у самой кромки зеленой воды и думал о чем-то важном, что было мне не доступно, ибо я был здоров, бодр и весел.

– Эй, Джереми... – окликнул я друга, когда терпение мое совсем истощилось (к слову, понадобилось на это всего восемь минут). – Пойдем уже, а? Ты замерз, кажется.

Джереми повернулся ко мне и обреченно вздохнул. Он подобрал с земли свою оранжевую кепку, напялил ее на голову, бросил последний взгляд на мутную плоскость озера и вдруг вздрогнул.

– Бенджамин, смотри! – закричал он, указывая пальцем на какой-то странный бугорок на воде, который я сначала принял просто за горку плавучего мусора. Но горка это шевелилась и... поскуливала!

– Это же... – начал было я, вскакивая на ноги, но плеск

воды заглушил окончание моей фразы. Джереми, как был, в одежде, в кепке, прыгнул в воду и неуклюже, по-собачьи поплыл к центру озера.

Увиденный нами «бугорок» оказался мешком из-под муки, в котором без надежды на спасение барахтался крохотный щенок. Тесемка, которой была завязана его тканевая темница, зацепилась за бревно, и только потому малыш до сих пор был жив. Джереми спас его. Мокрый и обессиленный, он вылез на берег, прижимая к себе скулящий комочек, который вырос потом в огромную псину, готовую горло перегрызть за своего двуногого спасителя. Не знаю, какими словами мой друг уговаривал маму оставить щенка, но она все-таки сдалась, и Подвиг (так мы его назвали) остался жить с ними.

Иногда я думаю о том, что он был, наверное, лучшим другом для Джереми, нежели я. По крайней мере, он оставался с ним до самого конца. А я – нет.

* * *

*«Ля Прованс Газет», номер 14, год 1972
Колонка уважаемого редактора месье Дюпона*

Спасен друг человека!

Все-таки зря мы с вами, дорогие мои читатели, дурно

отзываемся о современной молодежи. Зря! Ибо несмотря на то, что среди молодых людей действительно частенько встречаются пустомели и бездельники, достойные юноши еще не перевелись.

11 августа сего года Джереми Пессон и Бенджамин Лавелло, ученики школы святого Иоанна, спасли божью тварь от смерти. Прогуливаясь по берегу канала Мартен (более известной среди жителей Пон де Шерв как, pardonner¹², речка-вонючка), они заметили в воде щенка, которого чья-то безжалостная рука бросила в воду. Не волнуйтесь, madame и mademoiselle, у этой истории прекрасный конец: животное было спасено и теперь обживаетея в семействе Пессон.

Честь и хвала маленьким героям! Они по праву могут служить достойным примером для всех молодых людей в нашем славном городе!

** * **

Что ж, пришло время наконец-то рассказать вам о третьем Событии, которое изменило мою жизнь. Месье Симонэ называл моего отца неучем.

По-правде сказать, это была правда, потому что отец действительно не закончил школу, отсидев за партой всего-то 6 классов, и уж само собой нигде не учился пекарскому делу. О, это была больная, кровоточащая мозоль! И месье Симонэ

¹² Фр. Прошу прощение

безжалостно наступил на нее, хвастаясь тем, что сын пошел по его стопам и теперь учится на цирюльника где-то в Неаполе. Вот что он сказал, подкручивая напомаженные усы:

– Я знаю, некоторые не считают своим долгом дать детям достойное образование и растят из них простачков без манер и лоска, – выразительный взгляд в сторону моего отца. – Но только не я. Мой Поль еще сотрясет этот мир. В отличие от чокнутого сынка кое-какого неуча!

Признаться, мне даже польстило, что он считает меня чокнутом. А вот моему отцу, судя по всему, нет. Другой на его месте, скорее всего, отправил бы хвастуна в нокаут, но он вместо этого гневно жажнул своим пухлым кулачком по барной стойке. Сморщился от боли в ушибленной руке, покраснел и пулей вылетел на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.